

Чжао Шинин проснулась от того, что в неё прилетела горсть ягод.

Ещё прошлой ночью она даже не успела дойти до того, чтобы до крови искусать ему шею, как эта дохлая лиса вырубилась её.

Она подняла руку, чтобы растереть ноющую заднюю часть шеи, и мысленно обругала Бай Цуньюэ тысячу, нет, миллион раз.

— Проснулась.

Голос Се Линьчжо звучал так, будто разбивался колотый лёд. Чжао Шинин торопливо обернулась на звук, после чего её тело задрожало, и она без сил опустилась обратно на землю.

— Учитель, что ты задумал?

Её голос помимо воли тоже задрожал в такт телу, а в чёрных зрачках отразился сверкающий леденящим сиянием божественный меч.

Се Линьчжо чинно восседал на каменном табурете и медленно протирал тряпицей Ханьшуан. Он по-прежнему выглядел так же, как и прежде: с лицом, подобным нефриту, элегантный и отрешенный, словно лишённый мирских страстей и желаний нефритовый бодхисаттва, в котором не осталось ни единой земной искорки. И тем не менее Чжао Шинин почему-то казалось, что сегодня он в чём-то изменился.

Он не ответил, а вместо этого тихо спросил её:

— Почему вчера не сбежала?

Чжао Шинин закусила пересохшие губы, и её голос тоже прозвучал с трудом:

— Зачем мне бежать? Я люблю Учителя и хочу всю жизнь провести в Павильоне Безграничности рядом с ним.

— Снова врешь.

expresión его оставалась спокойной, холодной, но меч в его руке издал протяжный гул и уперся прямо в грудь Чжао Шинин.

У Чжао Шинин на инстинктивном уровне заболело сердце. Сцена, ежедневно повторявшаяся в её кошмарах, воплотилась в реальности, дыхание стало сбивчивым, и её почти совсем откинуло от нехватки воздуха.

— Учитель... Ты хочешь убить меня?

Она изо всех сил постаралась не замечать приставленный к груди длинный меч и умоляюще посмотрела на Се Линьчжо.

— Учитель, почему так? Что я сделала не так? Зачем тебе убивать меня? — Чжао Шинин даже пошевелиться не смела, она лишь сидела на земле и снизу вверх смотрела на него.

Сегодня в Павильоне Безграничности тоже не шёл снег. Выдался редкий погожий день, и тёплое солнце слепило Чжао Шинин так, что она едва могла раскрыть глаза, из-за чего у неё сами собой выступили слёзы.

Се Линьчжо стоял спиной к солнцу, казалось, полностью погружая её в эту тень.

— Я давал тебе шанс сбежать, но твоя жадность оказалась слишком велика, ты сама ищешь собственной смерти.

Чжао Шинин была не согласна с его словами. С какой стати её жадность была чрезмерной? Когда другие совершенствуются и становятся бессмертными, у них есть и идеалы, и амбиции, почему же в её случае это превратилось в непомерную жадность и добровольный поиск смерти? Чжао Шинин не желала с этим мириться. Однако меч Се Линьчжо упирался ей прямо в грудь, и ей пришлось покориться.

— Учитель, не клевети на меня. Разве я была жадной? От начала и до конца я соблазняла только тебя одного. — Чжао Шинин чувствовала себя ужасно обиженной.

Се Линьчжо вовсе не это имел в виду, но Чжао Шинин свела всё к плотским чувствам между мужчиной и женщиной. И лучше бы она молчала: стоило ей заговорить об этом, как в памяти тут же всплыло, как бесстыдно она оскорбила его прошлой ночью, а ещё то, как они с Бай Цуньюэ переглядывались друг с другом.

От этих мыслей его лицо становилось всё более мрачным.

— Чжао Шинин, ты только что в этом призналась? Ты всё это время обманывала меня?

Произнеся это, Се Линьчжо тут же подумал, до чего же он смешон. Его ведь совершенно не волновало, лжёт она ему или нет, тем более что он изначально ей не верил.

Чжао Шинин чутко уловила, как его жажда убийства усилилась, и поспешно выпалила:

— Да как такое возможно? Разве я могла тебя обманывать, Учитель? Почему ты вечно не веришь, что я люблю тебя?

— Это уже неважно, Чжао Шинин.

На ладони Се Линьчжо возникла бессмертная трава, окружённая сиянием бледно-желтого света. Трава плавно поплыла вверх, нависнув над Чжао Шинин, а затем превратилась в луч света и впиалась ей прямо в макушку.

У Чжао Шинин не было ни малейшего шанса увернуться. Она прекрасно понимала, что ей, похоже, уже не спастись и сегодняшний день станет для неё последним, но в глубине души всё же оставалось горькое сожаление.

— Учитель, даже если ты обрекаешь меня на смерть, дай мне умереть хотя бы в ясности.

Се Линьчжо опустил взгляд на её отчаянную борьбу со смертью, и в его выражении лица мелькнуло подобие бессмертного милосердия. Изначально он не собирался убивать её непременно, во всём была виновата сама Чжао Шинин.

Ей не стоило снова и снова бросать ему смертельный вызов.

Это милосердие Се Линьчжо ранило сердце Чжао Шинин. Она не понимала, перед кем он разыгрывает эту сцену? В Павильоне Безграничности, кроме них двоих, находился разве что труп в ледяном гробу.

Кому он противен своей фальшью?

Чжао Шинин больше даже не скрывала своей отвращения к нему. Даже в последние мгновения своей жизни она собиралась обругать Се Линьчжо самыми последними словами, чтобы выплеснуть накопившуюся горечь, которую не могла унять.

— Я знаю, всё ради той женщины из ледяного гроба! Се Линьчжо, ты вызываешь у меня сильнейшее отвращение! Ты говоришь, что я постоянно обманывала тебя, но разве ты сам не обманывал меня? С самого детства и по сей день ты только и делал, что лгал мне. Стоило мне сказать пару лживых слов и пару раз поцеловать тебя, как ты пожелал мне скорой смерти. Се Линьчжо, я знаю, что сегодня мне не сбежать. Но я скажу тебе: я вовсе не люблю тебя, я терпеть тебя не могу, я ненавижу тебя, ненавижу до смерти! Став злым духом, я не отпущу тебя, а ты в этой жизни заслужил лишь того, чтобы в одиночестве сгнить в этом Павильоне Безграничности!

Высказав всё это, она почувствовала в груди невиданное доселе облегчение, в то время как лицо Се Линьчжо сделалось предельно мрачным.

Не желая ждать, пока Се Линьчжо начнет её истязать, Чжао Шинин с бешеной скоростью бросилась прямо на острие его меча.

Пусть ей не избежать роковой судьбы, но хотя бы умереть она хотела с достоинством.

Словно поддавшись неведомому наваждению, Се Линьчжо на дюйм отвел меч в сторону. В тот же миг вспыхнул ослепительный золотой свет, и и без того тяжело раненного Се Линьчжо отбросило назад на несколько шагов. Его широкие белые одежды цвета инея затрепетали на ветру, и он стал похож на сломавшего шею белого журавля.

— Бай Цунъюэ...

Он медленно стёр кровь, выступившую в уголке рта, а его взгляд приобрёл невыразимо зловещий оттенок.

Чжао Шинин всё ещё пребывала в растерянности, совершенно не понимая, что именно произошло.

Чжао Шинин, хватит зевать! Се Линьчжо тяжело ранен, скорее, заставь его забеременеть!

<http://bllate.org/book/22397/2350509>